

с антропонимией армян Украины и поэтому его утверждения поражают поверхностностью суждений.

Антропонимия армян Украины располагает очень богатым источниковым материалом—и минимальной научной литературой. Довольно много неквалифицированных суждений, брошенных вскользь специалистами, способствовало запутыванию вопроса. По-существу, имеется только одна работа, посвященная антропонимии,¹¹⁶ но это только начало серьезных ономастических исследований.

Клоусон обратил внимание только на одну сторону явления—на образование антропонимов (в армяно-кыпчакских текстах) по тюркскому образцу (модель: имя+имя отца+обозначение степени родства, например, Каспар Задик оглу), причем имена, выступающие в подобных случаях—христианские. Он ничего не знал о существовании довольно мощного тюркского слоя в антропонимии армян Украины и Крыма XIV—XV вв.¹¹⁷ С другой стороны, он не подозревал даже наличия антропонимических дублетов, под которыми нужно понимать номинативные дублеты—существование их вызвано разными национальными полями. В условиях мультилингвизма, характерного для армянских колоний на Украине (употребление армянского и кыпчакского языков внутри колоний, а украинского и польского в качестве контактных языков), это было, по крайней мере, три национальных поля: армянское, кыпчакское и украинско-польское (к которому примыкало латинское поле административно-судебной документации). Одно и то же лицо оформляло свое имя различными дублетами (в зависимости от национального поля), конкретно-различными лексемами, родственными этимологически, лексически, фонетически.

Собранный нами довольно значительный антропонимический материал (на основании созданных во Львове армяно-кыпчакских текстов и адекватных им синхронных польских переводов) позволяет сделать вывод о наличии в XVI—XVII вв. трех тенденций в оформлении антропонимов армян-кыпчакофонов: 1. В соответствии с тюркской антропонимической системой (типа: Якуб Андрий оглу, Марта Каспер хыз), с употреблением данных типов в армяно-кыпчакской среде, а также в тюркоязычной среде за пределами Украины; 2. В соответствии со славянской системой—появление патронимикальных

¹¹⁶Tryjarski E. Les noms de personnes dans les écrits arméno-kiptchak: un essai de classification.—In: Actes du XIe Congrès international des sciences onomastiques (Sofia 28 VI—4 VII 1972). Sofia, 1975, p. 365—381. Выводы из нашего неопубликованного доклада «Кыпчакско-славянские антропонимические дублеты XVI—XVII в.» прочитанного на конференции «Актуальные проблемы среднеазиатской ономастики», Бухара, октябрь 1974 г.) приводятся ниже, однако без подробного изложения методики использования источников.

¹¹⁷ Ср., например, Айвазовский Г. Армянские надписи, находящиеся на Юге России.—ЗООИД, 1867, т. 6, с. 323—332; Кучук-Иоаннесов Х. Старинные армянские надписи..., с. 68—69; Гоғоздін І. М. До вивчення старо-кримських надгробків.—В кн.: Обілейний збірник на пошану акад. Д. Й. Багалія, [ч. 1] = Збірник історично-філологічного відділу ВУАН. № 51), К., 1927, с. 472.